

УДК 130.2

Е. Ф. Казаков, А. А. Овчаров

ИСКУССТВО КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ ДУШИ

В статье обосновывается правомерность рассмотрения изобразительного искусства как выражения жизни души в ее историческом развитии. Образы искусства предстают выражением внутреннего мира человека через его внешность. История искусства – выражение находящейся в развитии способности человека к образной саморефлексии.

Ключевые слова: изобразительное искусство, человек, душа, тело, образ, портрет, объективация, духовное, физическое.

E. F. Kazakov, A. A. Ovcharov

ART AS EXPRESSION OF LIFE OF SOUL

In article, the legitimacy of reflection of fine arts as expressions of life of soul in its historical development is proved. Images of art appear as expression of private world of a person through appearance. Art history is expression of ability of a person being in development through figurative self-reflection.

Keywords: fine arts, person, soul, body, image, portrait, objectivization, spiritual, physical.

Важной формой культуры является изобразительное искусство. Оно предстает одним из выражений «физиогномики культуры», создавая визуальную «картину души», выступая зримым символическим выражением внутреннего бытия культуры. Через искусство осуществляется путь душевной жизни «в культуру», путь, на котором она возвращается к себе, но достигшей большей высоты совершенства. В отличие от других форм

культуры, искусство более непосредственным и близким образом связано с душевной жизнью. «Душа эпохи» может говорить из произведений великого художника.

Произведения искусства выступают «сосудом», который создает себе душа и в который она «вливается». В художественном произведении все случайное, одностороннее, просто субъективное в жизни и судьбе возвышается до строгой объективности; вместе

с тем оно есть и самое человеческое из всех образований, самое безусловное господство души над всей данностью бытия; в полном смысле слова произведение искусства предстает «формой души». В художественных произведениях приливы и отливы жизни души обретают определенность, свидетельствуя об ее постоянном обновлении, неизменном расщеплении и воссоединении. Будучи результатом либо коллективного (например, в зодчестве), либо индивидуального (обычно в живописи) творчества, выдающиеся произведения предстают выражением «работы общего духа». Искусство выражает (именно выражает, а не изображает) внешнюю и внутреннюю стороны душевной жизни (вплоть до глубинных сущностных процессов), представляя ее в полноте, целостности.

Своеобразие изобразительного искусства заключается в том, что оно постигает внутренний мир человека «сквозь» его внешность и через внешний облик человека (его внешний мир в целом) визуально выражает его (искусство – это душа, переданная чертами лица, движениями и действиями человека, тонами неба, линиями горизонта). Душа человека, тайна соединения в ней высших и низших планов жизни, может быть лишь художественно выявлена, но не логически вскрыта. Внешний облик человека может выражать его внутренний облик («лицо»), может выражать лишь самого себя («маска», «личина») и, наконец, может выражать его дух («лик»). Внешнее и внутреннее, таким образом, могут находиться в разной степени взаимосвязи и соответствия друг другу. Но если даже внешнее совсем не выражает внутреннее, оно все равно говорит о характере его душевной жизни, указывая на ее самоотчуждение. Таким образом, в любом случае внутреннее просвечивает во внешнем и дает распознать себя посредством него, внешнее через себя указывает на внутреннее.

Тело предстает «художественным образом» души; душа посредством тела производит «художественное освоение» внутренней и внешней действительности. Продуцируя образы, человек создает вокруг себя «вторую» визуальную антропоморфную реальность, делая мир своим, лишая внешний мир его неподатливой чуждости и в предметной форме наслаждаясь лишь внешней реальностью самого себя. Переживания человека – посредством произведений искусства – выносятся «вовне», внешний мир – посредством искусства – привносится в человека. Образы искусства есть сотворенная, творящая, творимая реальность (активно участвующая как в очеловечивании мира, так и в расчеловечивании человека). Осуществляемое в образах искусства «удвоение» действительности играет важную роль в процессе самообнаружения, самоидентификации человека (через отличие себя от «чужого» и соотнесение со «своим», чтобы узнать себя «при встрече»).

Особенность изобразительного искусства заключается в том, что оно делает «бездвидную душу» (Платон) зримой, визуально свидетельствуя бытие души, ее самораскрытие, самопрозрение. Изобразительное искусство позволяет сделать жизнь души предметом непосредственного созерцания. Это возможно потому, что произведение искусства также имеет душу. Изобразительное искусство (в отличие от музыкальных и литературных произведений) дает более определенный, проясненный, отчетливый (посредством линии и цвета), «живой» образ. Визуальный образ воспринимается в том виде, в каком он был создан; давая «живое» представление о прошлом душевной жизни, представая основанием для реконструкции «реальной истории души». Изобразительное искусство – это находящийся в развитии автопортрет душевной жизни (то погружающийся в ее глубины, то поднимающийся на

самую поверхность; то верно выражающий протекающие в ней процессы, то уносящийся в иллюзии, отчужденности).

Душа познает себя не такой, какая она есть сама по себе, а познает себя такой, какая она себе является. А является она себе – в изобразительном искусстве – чаще всего в телесном человеческом облике (который видим лишь потому, что «освещен душой» (Августин). Тело предстает формой души (ее «темницей», «домом» либо «храмом»), неся в себе ее «образ и подобие».

Не только душа находится в теле, но и тело находится в душе (что доказывали еще Немесий Эмесский и Максим Исповедник); отсюда жизнь тела не может не быть выражением жизни души. Формой души является все человеческое тело, но в большей степени – лицо и особенно глаза. Сквозь человеческий глаз, лицо, мускулы, кожу, сквозь весь облик человека просвечивает дух, душа. Тело человека выражает по-разному разные уровни души; это относится несомненно и к лицу. Тело человека есть выражение жизни не только «природной» (организмической), но и духовной энтелехии души. Это следует из генезиса тела, являющегося «скульптурным произведением Божественного художника» (Лактанций).

Тело есть определенная форма инобытия души. Образы же искусства бес(сверх)телесны, то есть по природе своей более тождественны бытию души, выражая его адекватнее, полнее, чем тело, «снимая» тем самым некоторую степень инобытийности души. Образы искусства можно назвать «телом» души, часто более приближенным к ее «коже», чем собственно тело. Образы искусства способны выражать жизнь самых различных душевных энтелехий: так, духовное бытие выражается в произведениях религиозного искусства (икона, храм); душевно-телесная

энтелехия – в одухотворенных нерелигиозных образах (С. Боттичелли, Я. Вермеер, М. Шагал); организмическая энтелехия – в натурализме (первобытное искусство, римские бюсты, «фламандцы»); рассудочная энтелехия – в классицизме, академизме, кубизме, концептуальном искусстве; грезящая энтелехия – в барокко-рококо; вещная энтелехия – в парадном портрете, поп-арте; плотская энтелехия – в римском «Бруте», в «Джоконде», сюрреализме.

«Душа дает вещам имена», – говорил Пифагор. Образы, направления искусства предстают как «имена» самим душевным энтелехиям. Душевная жизнь «именует» себя в процессе объективирования переживаний и в процессе их последующего «понимания». Так, наиболее значительные произведения религиозного искусства являются «непосредственным воплощением идеальных прообразов бытия», несут «проясненный образ» духовной сущности жизни, очищенный от всяких неясностей и путаницы. В данном случае произведение искусства – больше, чем просто произведение искусства, «больше-чем-искусство».

Духовная энтелехия вообще не выражается только внешними объективациями, а только если «за ними» пульсирует внутренняя жизнь, в самых высоких своих проявлениях (в чувствах благоговения, милости, сострадания, веры, любви и т. п.). Духовная энтелехия способна не только к самовыражению, саморефлексии, она способна к рефлексии и других энтелехий (в храмовых комплексах есть изображения и растений, животных, и преисподней). Последние же способны выразить себя и то, что рядоположено (то есть обладают, в отличие от духа, частичным «зрением»). На одно и то же духовная и плотская энтелехии смотрят с противоположных точек зрения.

Чем в большей степени произведение искусства выражает духовное бытие, тем более оно несет в себе всеобщее, целостное, сущностное, субъектное; тем более это – «вечнопробывающее произведение». Чем дальше от духовного образ искусства, тем более он является принадлежностью продуцировавшего его пространственно-временного континуума; тем он единичнее, поверхностнее, сиюминутнее. Если «вечнопробывающие» образы несут в себе центростремительные интегративные силы, «собирая» целостный облик человека, то образы отчужденного плана душевной жизни несут в себе центробежные силы, деформируя, расщепляя облик человека.

Образы искусства могут оставаться, преимущественно, в своем континууме (например, римские бюсты, «тоталитарное искусство»); могут переходить с одной стадии эволюции душевной жизни к другой (например, греческая колонна), выступая носителем как прежних, так и измененных состояний души, то есть представляя «текучей» формой. Образы искусства могут быть эфемерными, бессодержательными, витающими как бы автономно, между первоначальным и отчужденным планами душевной жизни (например, барокко-рококо, «кинетическое искусство»), но на самом деле оказываясь выражением последнего; могут быть адекватным выражением плотской энтелехии («Одалиска» Ж. Энгра, «Джоконда» Леонардо и т. п.). Эти образы являются носителями противоречия между сущностной интенцией души к полноте бытия и его объективировавшейся частичностью. Важнейшим способом разрешения данного противоречия является продуцирование образов, как можно более в непосредственном, «чистом» виде выражающих первоначальное бытие.

Искусство способно визуально выразить структуру духовного мира, далеко выходя

за пределы только художественных форм. Образы искусства показывают нам жизнь души в ее полноте, противоречивости, многовекторности устремлений, не разрушающих изначально целостность. Преобладают среди них те, что являются выражением жизни отчужденных энтелехий. Данное обстоятельство позволяет понять причину и цель продолжающегося становления душевной жизни: ее первоначальная сущность в полноте не выявлена, поэтому художественные образы, выражающие отчужденное бытие, лишь появившись, уходят в прошлое; а душевная жизнь все продолжает и продолжает стремиться к самой себе как «душе совершенной». Автопортрет душевной жизни незавершен, так как незавершен ее исторический путь.

Важнейшим, наиболее частым в искусстве является образ человека; именно в нем выражается преимущественно и духовное, и телесное, и плотское бытие. Конечно, и пейзажи, и натюрморты, и авангардное формотворчество носят очеловеченный характер, выражают жизнь души (и нередко более адекватно, чем многие образы человека); но, подчеркнем, все же высшие проявления жизни души выразимы лишь в человеческом облике. Именно поэтому «прогресс» живописи, начиная с ее несовершенных опытов, заключается в том, чтобы доработаться до портрета; до автопортрета души как целого, вплоть до высших проявлений ее бытия, открытых трансцендентному.

Портрет изображает человека не только в настоящем («здесь-и-сейчас»), но и в прошлом, и в будущем, не только человека действительного, но и воображаемого, иллюзорного, возможного, желаемого. То есть портрет дает весь спектр «растяжек» образа человека, раскрывая как его внешнее, так и внутреннее бытие. Для полного самовыражения человеку нужно «раскрасить все плоскости» своего

душевного пространства. Так, иконописные лики («образ бестеневого человека») есть выражение только Света, только Истины. И, наконец, личина есть «образ потерявшего образ» человека, антиобраз Первообраза, темнота без Света.

На характер европейского изобразительного искусства оказало влияние своеобразие католического мировосприятия. Богопознание в римо-католичестве осуществляется по аналогии с товарным миром, аналогия эта проходит красной нитью через все религиозное искусство Запада, становится его языком, его нормой. Так, часть христианского мира постепенно возвращается к тем элементам в искусстве, к его чувствительности и иллюзорности, с которыми так упорно и долго боролось раннее христианство. Телесный поток предстает здесь выражением душевного потока (в большей или меньшей степени выражая самое себя) и путем к его постижению.

Отсюда, такое внимание к «телесной стороне» «священной истории». К числу наиболее часто встречающихся образов относятся «Мадонна с младенцем» (причем нередко изображается сам момент кормления) и голгофские страдания Христа («Распятие», «Снятие с креста», «Пиета»). Небесное сияние священных ликов нередко изображается через блеск и сверкание одежд, украшений, корон («Золоченая Богоматерь»). Иными словами, достоверность горнего бытия доказывается осязаемостью выражающего его дольнего бытия (этим объясняется и популярность образа «Фомы Неверующего»). Акцент на человеческое в божественном находит выражение и в том, что художников часто больше занимают собственные переживания по поводу страданий Христа. Западно-европейское искусство не стремилось к запечатлеванию сакрального в его собственном всесовер-

шенном бытии. Для Запада, со времен иконоборчества, изображение Бога оказалось «второстепенным», не касающимся ни одного основного пункта веры; оно – «чисто дисциплинарное»... Личный образ Христа, как свидетельство, теряет свое решающее значение.

Для западно-европейского искусства, как и для католического мирозерцания, характерен акцент на динамику, процессуальность душевной жизни (примером чего являются и «каменные потоки» готики; цикл автопортретов Рембранда «длиною в жизнь»; циклы гравюр Дюрера и Гойи, картин К. Моне; текучесть форм и линий барокко-рокко, ампира, экспрессионизма, ташизма и т. п.). Движение ввысь такое динамичное, что остроконечные готические шпили «колят небо»; движение вширь такое неукротимое и всеохватное, что выходит за рамки душевных переживаний в «голые» фотографические объективации. Открытие в Средние века духовного зрания обусловило готический рывок в «небо», который сдерживался зависимостью души от плоти-тела. Отсюда – стремление стряхнуть земной прах с «крыльев» души.

Образ человека в искусстве (так же, как и сам человек) имеет внешнюю, «телесную» (воспринимаемую визуально) и внутреннюю, «душевную» (воспринимаемую через «понимание», «вчувствование») стороны. Если бытие души разворачивается от акта к форме, от внутреннего к внешнему, телесному, то процесс постижения образа человека в искусстве движется во встречном направлении: от внешнего, телесного, визуального – к внутреннему, душевному, невидимому физическим (телесным) зрением (а видимому лишь зрением души, которое и позволяет раскрыть процесс «переживания», приближающий «глаза» и чувства одной души

к чувствам другой). Данный процесс возможен лишь в том случае, если визуальность не исчерпывает весь образ человека (а это, нередко, происходит), если за внешним обликом обретается внутреннее содержание (если исследователь способен проникнуть в него, соответствующим образом «настроив» свою душевную жизнь, через со-переживание, уподобление своей души душе, объективированной в произведении искусства).

Изобразительное искусство во многих своих проявлениях иррационально (что и позволяет ему выражать жизнь, не умерщвляя ее; как то происходит при понятийно-рассудочном мышлении), что обуславливает и необходимость применения нерациональных методов его постижения (как раз и развертываемых в «философии жизни»). В то же время ряд направлений, видов искусства несет выраженное с очевидностью рациональное начало (классицизм-академизм; кубизм, «концептуальное искусство»; храмовое зодчество как попытка «рационально выразить иррациональное» (К. Муратова) и т. п.). Отсюда возможность взаимопроникновения искусства и науки («Каноны» Поликлета и Пуссена, «Экорше» Ж. Гудона, импрессионизм, оп-арт); использование для анализа его произведений и интеллектуальных способов познания (возможность чего допускает «философия жизни»). Произведения изобразительного искусства – визуальны, «телесны», что обуславливает возможность декоративно-прикладных видов творчества (в том числе, промышленного дизайна, маркетинга и т. п.), то есть сближает его с материальной деятельностью, с «хозяйством». Поэтому в определенной мере произведения искусства постигаются физическим (телесным) зрением. Образы искусства имеют и бес(сверх)телесное содержание, постижимое лишь внутренним зрением, зрением души, душевным переживанием.

Изобразительное искусство позволяет душе не только проявить, оформить и увидеть себя, но и выразить себя, оценить и изжить. То есть оно предстает не только способом выражения душевной жизни, но и формой ее эволюции. Само создание произведения искусства есть переживание и изживание (через объективирование) определенного душевного опыта. Постигание образа искусства есть также не просто его визуальная фиксация, а переживание, «снятие» объективированного, «застывшего» опыта «текучей живостью» души. Таким образом, душевная жизнь не просто истолковывается из самой себя, но и преодолевает, преодолагает себя в стремлении к более совершенному состоянию. Продуцирование образов искусства – один из путей эволюции душевной жизни, ее стремления к адекватному выражению сущности в своем существовании, один из путей возвращения души к самой себе (как первозданности). Данную миссию искусство может выполнять лишь в том случае, если оно является не только способом выражения и постижения души, но и предстает частью самой душевной жизни, то есть имеет онтологический статус бытия. Изобразительное искусство есть и форма и «текучая живость» души, есть важная часть ее непрерывного житнетворения.

Искусство – один из важнейших способов самовыражения генезиса душевной жизни. Оно не изображает, не отображает, а именно выражает, то есть не является взглядом извне на жизнь души, а предстает визуально-образным оформлением протекающих в ней процессов. В отличие от рассудочного познания, разделяющего, «убивающего», останавливающего предметы, искусство выражает состояния душевной жизни в процессе их становления. Природа искусства адекватна процессуальности истории, взаимосвязан-

ности ее состояний, образующей целостность. Изобразительное искусство (в отличие от других видов творчества) объективирует душевную жизнь от древнейших ее проявлений (палеолитическая скульптура и графика) до самых современных (авангардизм), тем самым создавая представление обо всех стадиях ее развития в преемственности, полноте.

Разные стадии душевной жизни, различные ее энтелехии выражаются изобразительным искусством через трансформацию единого образа – образа человека, в его телесном облике. «Язык тела» достаточно универсален, что позволяет связать друг с другом разные стадии развития, показать их преемственность. Все энтелехии души (в том числе и противоположные) выразимы искусством через единый (в своем многообразии) образ человека. Искусство позволяет сформировать представление о развитии душевной жизни как зримом становлении единого исторического целого. Посредством искусства человек проявляет свою частичность, имея возможность не только констатировать, но и оценить, преодолеть ее, достроив до целостности. Искусство, являясь непосредственным выражением души, представляет нам историю в виде трансформации визуального облика человека (поэтому можно говорить об изобразительном искусстве как о «теле» душевной жизни, находящейся в развитии, о «чертах лица истории», о «физиогномике истории»). История искусства предстает как визуальная «автобиография» душевной жизни, ее находящийся в развитии автопортрет.

Искусство есть не только способ самовыражения, объективации душевной жизни; оно предстает одной из важнейших частей исторического процесса, его внутренней стороны. Особенность искусства как части исторического процесса заключается в проявленности ее вовне, в визуальном образе; внутрен-

нее душевной жизни неотделимо здесь от ее внешнего, видимого. Искусство есть история на сущностном уровне своего осуществления. Оно есть визуализация не только собственно образных переживаний души, но ее жизни в целом. Искусство есть генезис душевной жизни на уровне его визуально-образной саморефлексии (поэтому можно говорить об «образности истории»). Душевная жизнь стремится ко все более непосредственному самовыражению все более глубоких сущностных планов своего бытия. В этом стремлении истории к обнажению духовной стороны, духовного ядра видная роль не может не принадлежать искусству (как раз и способному на адекватное выражение сущности душевной жизни в визуальном образе).

Искусство предстает одной из важнейших составляющих процесса самоосуществления душевной жизни, преодоления ею своей частичности, незавершенности. История искусства есть процесс объективации внутреннего состояния, вынесения его вовне через визуализацию, освобождения от него, взгляд на него со стороны как на свое внешнее, внешнее свое, внешнее не свое (отчужденное). История искусства есть история того, что «выведено» из душевной жизни, осталось в прошлом, «умерло». Но в то же время продуцированные искусством формы душевной жизни не потеряли связи с ее непрерывностью, настоящим, так как процесс объективации, изживания ряда душевных энтелехий, начавшись в прошлом, продолжается до сих пор (делая данные объективации «прошлым настоящего»). Образы искусства (в том числе и продуцированные в прошлом) есть объективация не только «умерших» душевных переживаний («внешнее внешнего»), но и проявление продолжающихся «живых» переживаний («внешнее внутреннего»).